142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 142

Виктор
ПАТРАКЕЕВ
г. Петрозаводск

Жизнь отца на память детям

Предисловие от редакции

Перед вами удивительный документ. Его прислал нам петрозаводчанин Виктор Патракеев. Это рукопись его деда, человека, прошедшего Первую мировую войну, Гражданскую и погибшего в Великую Отечественную. Крестьянин, окончивший, как он сам пишет, поповскую школу и два класса земского училища, просто и бесхитростно рассказывает о своей жизни, проходившей в яростные, кровавые годы начала двадцатого века. Такие документы, благодаря которым можно увидеть те далекие события изнутри, глазами их участника, имеют, на наш взгляд, огромную ценность. Мы внесли самый минимум правок в текст, опасаясь повлиять на его документальность, стараясь сохранить то настроение, характер, которые проявляются через часто неправильно построенные предложения, ошибки, где-то даже некую путанность изложения… Несколько страниц – и целая жизнь, огромный пласт истории страны. Такой документ дороже десятков томов выдуманных историй.

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 143

Жизнь отца на память детям

Живите. Учитесь. Берите из жизни отца лишь хорошее.
И запомните, плохое помня, что так жить нельзя.
Составлено по отрывкам, заметкам и что было в памяти на 34 году от рождения.
Собрано и написано в лето 1930 года.
Подпись *(Рянжин Александр Фадеевич)*

Предисловие

Цель описания жизни заключается лишь в том, чтобы дать будущему поколению основные понятия о времени выделяющимися в истории мира переворота жизни. Описывая свою жизнь, завещаю своим наследникам без различия пола вдуматься и обсудить всю мою жизнь и провести между нею параллель, то есть лучшую и плохую сторону, на чем и жить, учитывая мои опыты, т.е. как можно жить и как нельзя жить. Кроме всего этого, читающие будут знать, какое тяжелое время, какие трагические моменты приходилось испытывать за описанные годы не только мне, но и тысячи людей испытали то, и даже больше. Особенно острого ощущения вы не будете чувствовать, может быть, удовлетворенности полностью этим описаниям не получите.

Я не писатель, не практиковался прозой. Не имею понятия о сочинениях, но жизнь, сложившаяся так разнообразно, заставляет писать. Меня мучает иногда (даже очень часто) то, что не так гладко, не так трезво и не до конца проведена моя работа на пользу социализма.

Но я прост, мягок, невежествен, может быть, дикий, отчасти глуп, был стоек в огне, тверд в вере освобождения, но сдал, вместе с молчанием пушек, гранат и т.п. Затих очаг смерти, затих и я. Впрочем, в описании увидите. Можете осуждать, оправдывать, опровергать. Все что хотите в вашем распоряжении. Но одного желаю и прошу не уничтожать, беречь, передавать по наследству. Лето 1930 года.

А. Рянжин

Александр Фадеевич Рянжин

Часть первая

Родился в 1896 году и на первом же году лишился отца. Осталось нас почти на одном иждивении матери я, 2 брата и сестра. Конечно, братья двое старшие, были отданы то погонщиками на ладожский канал (тогда была еще конная тяга) и пасли коров, то есть в пастухи. Мое детство, как я стал помнить, было еще счастливое, хотя не было полной свободы от строгой матери, совсем неграмотной, темной, забитой горем и нуждой. Но все же сами мы развились, с собой воспитывались.

С 8 лет я начал учиться в школе. Это старая поповская школа, где преобладающее большинство было славянских книг, нежели учебных пособий.

Тут наша семейная нужда стала меньше зажимать, т.к братья подросли старшие и зарабатывали на содержание более сносное, и мне можно бы учиться хорошо, так нет же – влияние религиозности в семье.

Дома меня заставляли практиковаться и изучать христианское учение, и по нему я в школе был одним из первых учеников, и во-

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 144

обще по чтению я был прелестный ученик, а остальное – кое-как, но все же окончил 2-классное земское училище и ни в одном из классов не сидел по два года, а помогало при экзаменах все же христианское учение, тогда религия стояла на первом месте. Но мне многое помогло в религиозном разубеждении вот это знание, христианское учение, уже во втором классе я сомневался, что есть ли бог. Как же это не было такого времени, чтобы бога не было, а как же бог мог быть раньше человеком, а теперь нет, и потом уже, читая книжку, данную мне одним ссыльным Емелькой (только я и знал его не иначе как Емелька) о рождении Земли, мой молодой мозг часто стоял в тупике перед вопросом о религии. Я перечитывал книжку несколько раз, и, пряча ее от домашних, никому ее не смея показывать, даже любимому брату, который был на два года старше меня, боясь, что он расскажет матери и мне попадет, да и книжку уничтожат, а она дана была со строгим наказом сохранить и вернуть ему. Но тогда некогда было размышлять, некогда читать и негде поучиться. Только что окончив школу, сразу труд, зимой на лесозаготовки, летом уже за сохой, да за всей работой по крестьянству. Да еще у местных купчиков и кулаков за 20 копеек в день работать от солнца до солнца, тут уже не думай учиться. Да не в моде было ученье.

Меня готовили на мужика-крестьянина, да еще обучить старались сапожничать, но это мне не далось, и отстали. Хотели в портные – тоже провалилось, т.к. надо было работать то в лесу, то на крестьянстве, потому что братья ездили на паровых судах у хозяйчиков летом, а зимой в лесу. Потом нужно было заменить разваливающийся дом и до постройки, где уже работали трое год кругом. Брат старший только что женился и отошел от нас, т.к. грубость матери и худой ее нрав не позволяли жить вместе с невесткой. В лето 1914 года меня старший брат (из оставшихся нас трех) Дмитрий взял матросом на судно. Он был шкипером на непаровом судне у немецкой фирмы целлюлозных фабрик. А второй брат Георгий был на очереди идти в солдаты служить царю и отечеству (так тогда называли) и оставлен лето погулять, т.к. осенью надо идти было в солдаты.

На судне жилось легко, хотя было мне 16 лет и сам я был невзрачный на вид, а работать мог. По судну я быстро все усваивал и делал быстро. Но вот в июле месяце грянул гром, вся Россия была в стоне и плаче, то провожали отцов, мужей, сыновей на войну, объявленную Германии, Австрии, а затем и Турции.

Наши хозяева, т.е управляющие конторой в Ленинграде, что было немцев, уехали, и в августе я вернулся домой по расчету. Брат осенью (Георгий) ушел служить во флот, вся тяжесть по хозяйству и крестьянству свалилась на меня. Зимой в феврале взяли и Дмитрия, на меня легла забота о жизни самостоятельно, поставленный и необделанный дом нужно было сделать, хоть одну комнатушку, и перейти в него из чужого дома.

Стал я работать усиленно, недоедал, изнурялся и весной 15-го года перешел жить вдвоем с матерью. Последняя за год так состарилась, что и не узнать. В июле месяце того же года пришло сообщение, что брат Дмитрий убит, я плакал, помню, как ребенок. Мать обмирала, я стал чувствовать себя одиноким, к тому же не мог справляться с хозяйством, была нужда, а кряду же пришла мобилизация и моего года, т.е призыва 17-го года.

Война требовала людей, били много, смертью пахло кругом, деревня опустела, остались старики, женщины и дети. Не поспевали люди расти, как их уже брали в солдаты. Вести то и дело приходили об убыли родных, знакомых и односельчан. С уходом мужей, отцов, детей, братьев в деревне перебивались кое-как, а тут еще у нас в лето 1915 года сибирская язва валила скот поголовно. Попы то и дело служили молебны, устраивали крестные ходы, то за дарование победы, то от проказы, от заразных болезней, но ничего не помогало. Борьбы с эпидемией другой не велось, и в результате скот уничтожался, таял. В деревне жить было страшно жутко и голодно, и тяжело, все как-то упавши духом, только находят утешение в молитве. Но положение крестьян не улучшается, зато попов и богачей вдвое, попы обирают последние гроши за молебны и панихиды, торгаши дерут за товар что могут. В общем, и мне в деревне опротивело, как бы надоело, да и измучился. Зато потом на призыв ничего не было жаль, скорее желание было помереть, да и думал, вот в солдатах все-таки будет лучше и легче, и я на радостях поехал из дома под плач родных без всякого сожаления к родному селу.

Часть вторая

В царской армии с 1915 года 15 августа в Красном Селе.

Вставай! Быстро! Тут тебе не мамка родная! Живо становись на смотр! Это было первое утро по приезде в Красное Село в 176-й запасный полк.

Бараки с двухъярусными нарами посредине.

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 145

Где вся измятая, почти истолченная в труху солома множеством проходивших здесь солдат кипела вшами, блохами, которые вновь попавшего сюда человека так брали в работу, что без привычки первую ночь о сне и думать не приходилось. Только намучившись за ночь до изнеможения, под утро мертвецки засыпали. Но тут спать некогда, в половине 5-го уже – вставай, одевайся и быстро вылетай на утренний смотр. Так было в первое утро 20 августа 1915 года с нами.

Погода стояла дождливая по всему поселку, где длинной вереницей тянулись бараки, ничем не отличавшиеся один от другого, была глинистая жидкая грязь, на поверку и смотр выгнали на улицу, и унтер сверхсрочный, высохший от злости, с ругательствами:

– Щенки! Швырок! Молокососы! И на кой черт прут таких вояк, что с них будет. Ну, попадите вы мне, я палкой вымуштрую, стоять смирно! Не сморкаться! Ишь, руки в карманы заложил, – и под ругательства бил, кого по рукам, кому тыкал кулаком в живот и иного бил по щекам, такова встреча защитников царя и отечества, так начинали воспитывать нас с мордобойства. Но занятий с нами никаких не велось, гоняли носить камни, песок, подметали около казарм и на кухню картофель чистить. За пять дней нам уже надоело здесь, в Красном Селе.

На 6-й день произвели разбивку, и кого куда. Я со своими почти одногодками попал в Финляндию в г. Гобернеборг, я мыслил о нем, что вот будет слышно уханье орудий вдали и нас будут муштровать на скорую руку. Но ничего этого не случилось. Везли нас в теплушках 3 дня по Финляндии, и нам казалось, что нас увезли за тысячу верст, а оказалось, что и всего-то до Ленинграда *(тогда еще Петроград. –* ***Прим. ред.****)* одни сутки ехать на пассажирском поезде. По приезде в Гобернеборг в 424-й пех. Чудской полк разбили нас по ротам, и уехали на ст. Кокемяки обучаться отдельно от старых солдат. Тут я понял, что радоваться было нечему, уезжая из дома, и не легче и без всякой свободы, день крутят: «направо», «налево», «кругом» и т.д. Вообще военное обучение, а потом в финскую избушку на соломенные маты в 2-3 соломинки, и никуда, даже пройти по деревне не смей думать.

Меня заедала скука, тоска. Первое время было самочувствие, что хоть кончай с собой, но после свыкся, и от скуки и от нечего делать я взялся за занятия и в строю, и на словесности, и вне занятий у учителя был первым и примерным солдатом. За что, конечно, под конец нашей учебы на 2-м месяце, когда бы я не задумал идти гулять в свободное время, всегда был отпускаем, и иногда даже после поверки.

Так текла жизнь в Финляндии первое время. Описывать всех подробностей нет смысла вообще, одно на другое было похоже. Лишь вкратце скажу, что после занятий, т.е. 2 месяца, нас подвели к присяге на верность царю и отечеству, и я так внимательно слушал жирного попа и повторял за ним слова, что даже не помню ни одного слова. Мне так противен показался этот жирный кусок мяса, облаченный в блестящую рясу, что негодовал на него все время службы его перед присягой и после, думая, что весь его жир – это пот и кровь убитых там, где-то далеко отсюда. Но, несмотря ни на что, я все-таки оказался примерным солдатом. Окончил учебную команду по первому разряду и уже через 6 месяцев всей службы был унтер-офицером, потом дали взвод гранатометчиков-подрывников, и сам в этом деле был примерным. Но тут-то и беда, что если ты хотя знаешь военное дело и примерный, но подчиненных в морду не бьешь – худой офицер. У меня этого и не хватало, и частенько попадал я за это под замечания, получал нотации и наставления от ротного, что обращаться с подчиненными как с друзьями нельзя, надо быть строгим, показать себя начальником, но все же я не мог.

Подчиненные ко мне так привязались, и я с ними так слился, что совсем не считал себя начальником, иногда даже и в строю меня называли по имени и отчеству, и я тоже по имени Коля, Саша, Митя. Но чем больше меня наставляли офицеры и убеждали, что «тебя не слушают солдаты... ты распустил их», тем больше я привязывался к подчиненным и обращался все мягче. На удивление начальства, взвод был на все первым и во всей роте мои подчиненные нигде не попадали под замечания. На смотрах и на парадах, на занятиях и на маневрах, везде и всюду выходили с похвалой. Только это меня и спасало от офицерства. Так жил я в Финляндии, был счастлив во время Мировой войны, пороха не нюхал и смерти не видал, побывал в городах Николайстат, Або и др. В общем, колесили по всей Финляндии, и только. Никакого участия в войне не принимали. Дисциплина в войсках почему-то падала, мордобойства уже не было, жилось хотя однообразно, но все же легко, сытно и более сносно. Офицерство пьянствовало от нечего делать. Мы как холостяки заводили финночек и частенько прогуливали целые ночи, изредка бывали и стычки с финнами, но особенного характера этих стычек не было, обыкновенная драка.

Несколько слов о культурности в армии. Никаких мероприятий в этой области не применялось, о

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 146

спектаклях и понятия не имелось, разве когда офицерство устраивало для себя и своих жен, так тут случайно попадешь дежурить, так и то смотреть некогда, то раздеваешь, то подаешь, и найдут дела, что ничего и не увидишь. О газетах и речи нет, книги – кроме пошлостей в них не найдешь, да жития святых вообще невежество и только, то и надо было царизму. Так было до февраля 1917 года.

Часть третья

Февральская революция...
Перелом, колебание.

Поезд подходит к Николаевскому вокзалу (ныне Октябрьскому) города Петрограда. В вагоне разговоры – нас не пустят в город, там что-то неладное. Я еду в вагоне 4-го класса на самой верхней полке. Только что был дома. Раздумываю и мечтаю. Как будет доживать старуха мать, дома все пусто, она одна живет, одним сухим почти что хлебом, который обрабатывается ей самой и помощью со стороны соседей.

Мне нет дела до разговоров о чем-то происходящем в Питере, я ничего не смыслю, не понимаю. Думаю, только что вот кончится война и домой за дело. А она кончится после победы, а когда эта победа, тоже не знаю. И кто кого победит, для меня тоже не важно. Но вот поезд встал, выхожу на платформу, народу не протолкнуться, и суета невообразимая, почти несут меня вместе с толпой с вокзала на площадь. Думаю на трамвай сесть, стоят – не ходят.

Где-то трещит пулемет, ружейные выстрелы. Думаю, куда идти – на Финляндский. На извозчике – нашел, тот меня какими-то крючками повез до вокзала, но сообщил, что поезда не ходят и в Финляндию. Сдал вещи. На хранение приняли и убедили, что все будет сохранено. Получаю винтовку, патроны, и как солдат – иди воевать. Революция. Заинтересовался, вышел и примкнул к группе солдат, которые тоже, как и я, случайно попали. Где я был в эти два дня, уж и не знаю. Ел, пил в первой попавшейся гостинице, трактире, ресторане, ночевал где попало, кой-когда тоже стрелял, забирал листовки, газеты, жадно читал, думал – да вот он, конец войны, вот победа. Вот и домой скоро. Царя нет, правит народ. Керенский не будет, думаю, воевать. И я уверился, что спасение во Временном правительстве. Но вот пошел первый поезд в Финляндию. Я, набрав листовок, газет, поехал, – вот обрадую солдат.

Со мной собралось еще человек пять, и вот мы, выйдя на ст. Рихиляки, бегом пустились в казармы. Видим – тут никаких признаков, со мной тов. Парфенов, взводный 2-го взвода нашей роты. Только дошли до казарм, полк выходит на занятия. Наша рота строится, и весь второй батальон тут. Мы кричим:

– Товарищи, революция! Царя нет, вот газеты. В Питере – Временное правительство.

Тов. Парфенов оказался обладающим даром слова, начал рассказывать. Около нас образовалось кольцо, мы читали газеты, воззвания. Оказывается, офицерство знало, но не объявляло. Смотрим, 3-й батальон уже поет «Марсельезу». Всем полком тронулись в местечко Рихиляки, оттуда манифестация финнов встречает нас, тоже с песнями и музыкой. Говорят речи, но все мне не знакомое, я мало понимаю, знаю, что царя нет, есть Временное правительство, и все.

Потекли дни свободные – собрания, митинги, речи, и вдруг война до победного конца, они говорят. Но вот однажды прибыли два матроса, как сейчас помню, Тунгусков и Чугунов. Выступают на митинге, прислушиваюсь, клеймят меньшевиков, говорят против Временного правительства, кричат – долой войну, долой министров-капиталистов, долой Временное правительство, говорят о рабоче-крестьянской власти, вспоминают Ленина, большевиков и т.д. С этого времени я болтаюсь между меньшевиками и большевиками, стараюсь быть в стороне от всего. Не интересуюсь политикой. Меня выбирают помощником командира роты, долго качают, я ставлю им муик каль (финское пиво крепостью 6%). Кто-то говорит обо мне, о моем обращении с солдатами, о товарищеском житье с солдатами, и идет жизнь обычно. Но полк наш становится большевистским, как и вся финская территория войск.

Нам из России не высылают довольствие. Срываем погоны и не хотим подчиняться, выступить на фронт. Июльские события в Питере внесли небольшие колебания, но кряду сие было восстановлено уже комитетом РСДРП(б), все выступления других партий проваливались свистом и криками долой, как только говорили о полной победе на фронте. В это лето я три раза ездил домой. Стал больше читать и в результате уже не верил Временному правительству. В последний раз привез домой большевистскую окопную «Правду», «Прибой» и ряд брошюр – это было в сентябре месяце.

Вообще говоря, что хотя мало разбирался в политике, но чувствовал, что война – это бойня капиталистическая, и презирал всех добровольцев, что уходили на фронт из нашего полка, а их было немало, но все по глупости, под меньшевистские сказки, вместе с ними уходила Февральская революция, все-таки преломила всю мою жизнь. Времена-

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 147

ми были колебания и у меня. Но они исчезли благодаря простым речам большевистских агитаторов, и я все больше и больше горел каким-то энтузиазмом, даже вдавался в фантазии свободной жизни, доходил до безвластия, мол, вот хорошо, что захочу, то и делаю, твое мое и мое твое. В вихре революции я забывал все на свете, ни о чем не думал и вообще во всей старой армии жил хорошо.

Часть четвертая

Октябрьская революция.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Работа в армии. Демобилизация.
Работа в деревне. Вступление в партию.
Что дала Октябрьская революция.

Да здравствует Советская власть! Да здравствует Октябрьская революция и ее вождь Владимир Ильич Ленин! Долой войну!

Таковы были слова тов. Чугунова, старого большевика, матроса из Гельсиндорфа. Здесь все вышло не так, как в феврале. Офицеры, что не хотели признавать власть советов, дали тягу, остальные, кто остались, виляли хвостами собаки, лишь бы их не тронули. Офицерье было заменено на большевистско-настроенных солдат, предпочло закусить язык и примазываться к солдатам, многим это удалось, и этим путем спаслись.

У нас в Рихиляки прошло спокойно, ну революция так революция. Торопились уходить домой. Полк начал таять, имущество полка продавалось, деньги делились между собой, всякая дисциплина пала. Войска разложились, бежали, уезжали самовольно в Ленинград, некоторые испорченные солдаты начали спекулировать.

Меня комитет партии назначил по работе среди красногвардейцев финнов по обучению их обращению с гранатами и подрывному делу. Я не был членом партии, но состоял у них на учете как сочувствующий и выполнял их задания. Но всякое задание мало когда выполнялось – то отменялось, то откладывалось, много и заминалось вообще, как-то не энергично и кое-как, не считая это обязательным, т.к. не было никакой дисциплины и ответственности, а просто жил, горел энтузиазмом, но мало разбираясь в политике, не сумел работать, как это было нужно, и относился хладнокровно, ожидая скорого отпуска домой и конца войны. Дезертировать я не хотел.

Но вот в декабре дали отпуск, и я уехал все-таки с тем, что вернусь непременно. По приезде в деревню я пошел в круг холостяков, таких, как и я. Началось с организации культпросветкружка, создали совет из пяти, потом прибавилось до девяти. Книг, журналов, газет нам приходило вдоволь, читай и разбирайся. И так я начал принимать участие в культурной стройке деревни.

Моя работа заключалась в распространении газет, журналов и книг. Тогда с жадностью набрасывались на литературу все. Затем избрали меня в Волисполком заведующим лесным подотделом лесов, в земотделе, но работал я недолго, месяца три, а потом признано было, что такой отдел лишний, и ликвидировали его. Меня перевели секретарем Волнаробраза, где я работал тоже недолго.

Нелишне упомянуть, что ломка старой армии вот именно заключалась в том, чтобы создать действительно рабоче-крестьянскую армию, и я на месте, т.е. в г. Петрозаводске (губернский город тогда), был уволен из армии совсем. По первой мобилизации в сентябре 18-го года я был оставлен как советский работник в деревню. Этого я, конечно, и сам желал.

За все время работы в деревне я быстро развивался, созревал и в ноябре месяце вступил в ряды Коммунистической партии и целиком отдался ей. Меня, как военспеца, партия назначила инструктором всеобщего обучения. Учили всех, кто только мог носить оружие, – это была кузница бойцов Красной армии. Я горячо взялся за это, и всех, кто только подготовился хоть немного, отсылали на фронт. Нужны были люди – бойцы. Капиталисты окружили молодую республику огненным кольцом. Надо было бороться не на жизнь, а на смерть. Обучал и провожал на фронт товарищей и все более и более мучился тем, что не дело и мне быть тыловой крысой, и в мае 19-го года я на партсобрании среди членов партии, а их было до 30 человек, выступил с горячей речью о помощи фронту, призывал идти добровольно в армию и изъявил согласие немедленно ехать и вступить в ряды Красной армии. Свыше 20 человек пошли со мной, сгорая от энтузиазма. Но что это – по приезде в Петрозаводск нас осталось три человека и два старика – Демидов и Кузнецов. Мы только не прошли даже военной комиссии и явились прямо в губком. Губком, конечно, настоял, чтобы Демидов не шел на фронт, а ехал разыскивать пропавшие в пути вагоны продовольствия. А второй все-таки ушел на фронт. Меня направили в отряд Антонова на полуострова Онежского озера отбить белогвардейцев оттуда и укрепиться там. Все остальные, пожелавшие с нами, бегали из учреждения в учреждение и кто куда пристроились, а некоторые и вышли из партии. Я так был возмущен ими, что, пока был в Петрозаводске, при встрече

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 148

распекал их, и последние избегали встречи со мной. Таков был момент, так велик был мой энтузиазм, что я обо всем забыл, о доме, о матери, даже о себе, ничуть не щадил.

Первое боевое крещение я получил под дер. Шуньгой. Совсем не страшась свиста пуль, бегал по фронту и как взводный командир руководил боем. Но не выдержали наши бойцы, новые молодые разбежались в один миг по лесу. Я кричал, стрелял из револьвера вслед им, но их и след простыл. Остались мы, один комсостав и пулеметчики, чтобы спасти и доказать, что страшного нет ничего. Мы не уходили и выскочивших было белогвардейцев из деревни заставили уйти обратно, и часть бежавших, более стойких, видя, что кучка отбивается, вернулись и заняли места, и через час деревня уже была в наших руках. Так произошло первое боевое крещение. Мы начали бить белогвардейцев.

То желание быть бойцом, та мука, что мучился в деревне последнее время, сделала меня бесстрашным. Революция не учит и не мучит трудящихся, она кует и закаляет из них стойких борцов, и тысячи таких храбрых и стойких заряжали других, и армия плотилась, крепла и на страх белогвардейцев росла и стала могучей. Каких лишений, голода и холода приняла армия, да не меньше и все население. Приходилось не есть по 2-3 суток, паек ничтожный 1/2 фунта хлеба, приварок вобла. Но не было недовольства, не было отказа от службы, и все старались быть стойкими. Иногда вдумаешься сам в свою жизнь, мечтаешь, высчитываешь, когда что будет, но когда ничего не найдешь, плюнешь, махнешь рукой и запоешь революционную боевую песню, сразу станет легче, веселее, и забываешь все невзгоды, горе, лишь бьем разведкой и ночными налетами.

Эх, веселая жизнь.

Часть пятая

Борьба за власть.
Ликвидация Северного фронта.

Вот и шуньгские болота. Вдали виднеется раскинувшееся большое село. Мост, идем к нему, ни одного выстрела, занявшаяся алая заря на востоке ширится. Проходим мост, рассыпаемся, идем к деревне, вдруг выстрел, второй, я за ним. Затрещало, заухало, и пошла музыка смерти. Мы залегли за кочки, за кусты, тоже отвечая. Но – нас кучка, одна рота храбрецов, вернее безумцев. Проходит час, другой, высланная разведка вправо и влево дает знать, нас обходят. Подкрепления нет, начинаем отступать по мосту, немыслимо и думать, но пройти надо в болото. Вязнем выше колен, многие остаются там, но подхватывают товарищи и не оставляют ни одного. Таков у нас закон – не оставлять ни раненых, ни убитых. Выходим с болота, там рота наших. Завидя нас, побитых, они бросились в деревню Шуньгский Бор, сели в лодочки и на пароходы, дежурившие тут. Мы тоже вошли в деревню, что на берегу озера. Белогвардейцы, вышедшие за нами, приближались. Надо спешить, бежать некуда, впереди озеро, сбоку тоже губа Онежского озера, сзади белые и справа тоже. Пробиться, где кучкой пробиться. На окраине рассыпались, подпустили наступающих на чистое ровное место и ударили из пулеметов и ружей, что те – врассыпную обратно в лес. Тем временем подошли лодки порожние, где нужна была помощь вот именно той роты, что уехала. В деревне ни души, все ушли с белыми. Нас это так огорчило, что как один подожгли все село, пускай вам будет в наказание за вашу симпатию к белым. И уехали на пароходах, а на них опять туда, где слабже и есть место для высадки. И так ездили по Онежскому озеру, высаживаясь, сражаясь. Иногда уходили и далеко от озера, но всегда был один исход обратно, лишь захватывали трофеи, оружие и съестные припасы, в последнем мы больше не нуждались. Приведенный выше случай – это вот лишь потому, чтобы несколько ознакомить с фактами наших налетов, их было не перечесть, но они почти все похожи друг на друга.

Таким образом продолжалось до июля месяца. Нас высадили в Лижму, потом в Петрозаводск, оттуда в Великую Губу в отряд Матсона, а рота стала числиться за 4-м стрелковым полком. Меня поставили помощником командира роты. И это было, к моему сожалению, последним военным эпилогом войны в этом районе. Нелишне и этот этюд войны описать полностью.

По прибытии в Великую Губу я с 3-м взводом был оставлен при начотряда Финского батальона Матсона, славившимся в этом районе боевым командиром, он-то и оставил нас для прочности тыла, назвав нас боевым кулаком.

На нашей обязанности лежало разбивать противника, окружившего или заходящего в тыл нашим частям, расположенным в д. Новинка (2 августа 1919). Наша разведка донесла, что нашим частям белые зашли в тыл и идут на Новинку по дороге на Космозеро (в пяти верстах от Новинки).

Мы, взяв крестьянских лошадей, во главе с тов. Матсоном, с одним пулеметом помчались по дороге на Новинку. Не доходя полкилометра до про-

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 149

тивника, нас остановила разведка и донесла, что противник около дороги имеет тыловую охрану. Мы подались правее, перейдя болото, увязая местами по пояс, чего противник не думал, и прямо из леса, с фланга противника обстреляли, бросились в атаку. Их пятки только сверкали. Они отступали, оставляя раненых и убитых. И мне так понравилось это, что я, закончив операцию, отпросился у Матсона уйти в Новинку и двинуться в наступление, так сидеть там ротам довольно.

Он не отказал мне в просьбе, и я тут же явился со своими людьми в 40 человек, прибыл на позиции. Меня поразила та опасная линия фронта, где, по-моему, как я заявил командиру роты, нас, как кот мышей, пугнут отсюда и мы не в силах будем обороняться. Надо наступать, на что у тов. Матсона было дано распоряжение.

Наутро решено было наступать. Но мы еще не поспели приготовиться, только что выслав разведку (которая не вернулась).

В 5 часов утра треск пулеметов и ружей сразу по всему фронту как один загудел, и град пуль осыпал в упор наших красноармейцев через 3-саженную просеку в лесу. Я из деревни бросился к лесной цепи, но, к удивлению, увидел лишь 3-х убитых, остальные финны и наши уже отступили, а за ними на просеку уже вышли, прекратив стрельбу, белые.

Я оказался перед самым носом противника. Раздумывать некогда, бросился в кусты и тут же оставил плащ, который был внакидку. Он послужил мишенью для белых. Бросаясь в сторону, я видел, как несколько пуль продырявили его. Я выбежал на открытую горку, миновать ее было невозможно, побежал через нее. На самой горе обернулся, вижу, гонятся двое внизу. Завалясь быстро за каменную кучу, я прицелился из винтовки, и один из них покатился, взмахнув руками, вниз. Второй же залег. Но вот вижу, внизу идет целая цепь, тут я понял, что так легко пропаду, и побежал лесом по направлению к д. Космозеро. Здесь нагнал отступающих, вернее бежавших из дер. Новинка в деревню, расположенную у узкого озера, из-за которого жарили белые из пулеметов, зайти было нельзя. Пришлось все тащить на людях лесом, и лошадей обводить, и, разобрав одноколки, тоже несли.

Здесь, чтобы не дать настигнуть и задержать белых, оставили меня с ротой финнов в заслон. Целых 4 часа мы удерживали натиск, затем с боем в порядке отходили. Не доходя до моста через болото на Великогубскую дорогу 2 версты, нас сменила 3-я рота Финского батальона, остальные были в лесу у моста, а по ту сторону белые. И тут нам отрезали путь. У Матсона в Великой Губе кроме штаба в 7 человек не было никого. Да и знать он не мог, т.к. наш вестовой был убит уже находившимися здесь засевшими белыми. Белые залегли у самой поляны по ту сторону болота, наши по эту, а сзади нас в 2-х верстах одна рота в 70 человек сдерживала целый батальон, идущий к нам уже в тыл. Мы между двух огней. Тут-то мне и помог опыт удара в первый раз. Я взял опять своих молодцов с пулеметом «Максим» и при автомате «Люис» пошли в обход болотом. А чтобы поднять засевших по условному знаку, как мы подойдем, договорились выйти группе людей с белым флагом. И как они поднимутся, взять в перекрестный огонь.

Прорвались с большим трудом. Нам пришлось пройти через болото, кустарником уже в более вязком месте, чем шли мы в первый раз. Затем чащей леса, при всей осторожности шли, а затем подплыли к опушке, шагах в 300 от моста, и очутились в правом фланге противника. И мы уже полчаса лежим как мертвые в нетерпении открыть огонь, но было бы преждевременно выдать себя. Но вот видим, что с нашей стороны вышла группа с белыми флагами к мосту, руки вверх. Белые вышли на поляну, но стали с колена и, держа на изготовку винтовки, требовали выйти всем. Тут мы залпом ружей, треском пулеметов ответили с фланга. Наша группа быстро исчезла. С моста, оттуда наши тоже не замедлили дать с пулеметов, и быстро, кто мостом, кто болотом, перебегали на нашу сторону озера. Белые заметались, не было спасения даже и в лесу, где с опушки начинался редкий лес, и в гору поражаемость перекрестного огня была настолько сильна, что из 3 рот белых было истреблено и выведено из строя больше половины. И так мы прорвались. Но зато за время обороны тыла ротой финнов там потеряли из 70 человек 19 убитыми, 24 ранеными, недешево досталось и пройти до Великой Губы. На двенадцати верстах нас то и дело били то с фланга, то с тыла.

К ночи мы пришли в Великую Губу с большими потерями и под покровом темноты выехали на баржах и в лодках на Кижские острова в Сенную Губу. Так прошла опять наша неудача. Здесь мы были до 12 сентября, и как раз в день моего рождения случилось полное поражение нашей роты.

Мы занимали двумя взводами переднюю носовину Кижского острова, первый взвод – впереди лежащий Маленький, так назывался Волкостров. Накануне мы 3-й взвод отослали на ту сторону губы для охраны. С нами остался 2-й взвод, где взводный командир все был чем-то недоволен и настраивал взвод по-своему. Не раз я ротному Васильеву предлагал откомандировать его куда-нибудь, но все он

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 150

махал рукой, ладно, не страшно. Но вот 12 сентября в 5 часов утра, мы еще спали, часовой дал выстрел у нашего дома. Мы полураздетые выскочили на улицу и сразу попали под обстрел с канонерки, уже вошедшей в губу. Оказывается, комвзвода видел подход белых, слышал, как волкоостровских ребят забрали, и что-то сигнализировал белым. Мы с ротным выскочили, ротный побег в д. Васильевку, а я ко 2-му взводу. Не доходя до него, вижу у красноармейцев белый флаг и на берегу ружья в козлах, на скале пулемет не работает. У пулемета стоит взводный с канонерки. Сюда не стреляют, а бьют по Васильевке, где пулеметчики жарили с пулеметов по канонерке и катерам. С револьвером в руке подбегаю к пулемету, на самом обрыве скалы, уже поняв давно, в чем дело, и видя, что оборона наша пропала, без рассуждений врасплох для взводного в упор стреляю в него и толкаю под обрыв в губу, а за ним вслед и пулемет, чтобы не достался белым.

Из деревни Кижи уже идут цепью белые. Часть взвода финнов уехала на Клименецкий остров, а остальные прибежали в деревню Ямку. Лодки здесь были все затоплены. Оказалось, что и это дело было того негодяя, которого пришлось столкнуть в воду. Но, на мое счастье, этого не видел его взвод, враждебно настроенный ко мне. Они по несознательности, сагитированные негодяем, пользуясь тяжелым положением красноармейцев, не пустили бы и меня живым.

Но вот удалось с группой финнов в 7 человек наткнуться на лодку в кустах без весел. Но по ветру и загребясь досками мы все-таки добрались до берега, хотя, не доехав саженей 10, наткнулись на мель. Толкаться было некогда, т.к. катер, обошедший остров Кижский, со стрельбой продолжал двигаться, лавируя среди камней, и взвод, сдавшийся белым, с того берега открыл по нам стрельбу, и двое были тяжело ранены. Мы выбежали в воду, но не могли спасти раненых, т.к., отбредя от лодки 2 сажени, мы попали на очень глубокое место, с трудом выбрались с винтовками на берег. Только четверо, двое раненых и один пропавший, убило ли его или утонул, не умея плавать, хотя все происходило очень близко. Но без всякого звука скрылся под водой.

Мы, выйдя на берег, под треск орудий и свист пуль, мокрые, пропели один куплет: «Вы жертвою пали…» и поднялись в гору…

Выбежав в лес и попав на покосную площадь, стали обсуждать, куда идти. Мы знали, что в верстах тридцати в Клименецком монастыре наши пароходы, но как попасть, идти дорогой через д. Лонгасово – там белые. Дороги прямой лесом, через Клименецкую новинку (деревушку в 5 домов), не знаем.

Слышим окрик – на опушке леса стоит мальчик лет пятнадцати и спрашивает, куда путь держим. Мы подходим к нему, оказывается, мальчик, у которого отец ушел к белым, взял и его с собой, но он с неделю как прибежал домой. Теперь боится, что отец придет и убьет его. Сказал, что если уйдешь к красным, то найду и все равно убью. Он идет тоже с нами, имеет наган и проведет нас безопасным путем.

Мы, раздевшись, выжали платья и, сняв ботинки, пустились в путь в Новинку. Нас накормили, здесь народ оказался лучше. Мы в 9 часов вечера были в Клименцах, откуда уже Матсон отправил своих солдат и ждал известий от нашей роты. С прибытием нас, мы сели в канонерку и уехали в Петрозаводск. Несмотря на страшную бурю и сильную качку, я спал как убитый в каюте нашего односельчанина В.А. Шитикова, который был командиром на этой канонерке.

Приехав в Петрозаводск, явился в штаб 1-й стрелковой дивизии и начдиву и комиссару рассказал со слезами на глазах все, что произошло с ротой, брошенной без руководства. Мне как члену партии было и горестно, и стыдно, после рассказа так разнервничался, что тут же с отчаянием сказал, зачем я не был убит, лучше было пустить себе пулю, нежели выйти одному из этого кошмара. Но меня успокоили, дали мне три дня отпуска съездить домой и отправили в Вологду в распоряжение инспектора пехоты 6-й армии. Оттуда дали мне 13 человек взводных командиров, унтер-офицеров бывших, которые дезертировали, и опять направили в Петрозаводск в 1-ю стрелковую дивизию, где был назначен в 5-й стр. полк.

Здесь точка моему званию красного командира, что-то впало в голову, не хочу быть командиром, пойду красноармейцем.

Из дивизии пришел в бригаду и заявил, что потерял документы, у меня только одна сопроводительная, где не было указано должности. Направили в полк, а затем в 3-ю роту. Ротный меня взял переписчиком. Но пока были в деревне Вохтозеро, неся мирную охрану, я сидел в канцелярии. Но вот повели наступление, и я с канцелярии, бросая дело, шел в бой, не мог жить без него. В марте 1920 года белые начали сдаваться. Архангельск был занят красными. Английские войска и вообще иностранные были отовсюду отозваны внушительными демонстрациями рабочих западных стран, остались одни русские белогвардейцы. Видя свой крах, да и поняв отчасти свое заблуждение, начали сдаваться. Но офицерня и финские белогвардейцы кое-где давали сопротивление. Так у самой финской границы взяли в ловушку, где мы почти целиком потеряли сразу 3-й батальон с командиром батальона. Допустив наш

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 151

батальон на 200 метров под видом сдачи, подняв красный флаг, а потом взяли под перекрестный огонь, после еще бились мы, наступая в течение трех дней, немало положив туда жизней. Я потерял тут своего любимца, ротного командира т.Коколова, на руках вынес из боя в безопасное место и отправил в ближайшую деревню, где был штаб батальона. В этот же раз мы праздновали победу. У нас ранило помкомандира роты, и с выходом его из строя я вдруг вздумал взять командование ротой. Взводные сразу подчинились, зная уже меня из рассказов товарищей, дравшихся со мной, а их было из отряда Антонова 3-й нашей роты.

Мы шли прямо в лоб врагу, подойдя под самую деревню, заряжая всю цепь быстротой продвижения и вскочив в атаку, и за нами и весь фронт. Мы ворвались в деревню, но уже враг был приготовившись к бегству, и только малая часть осталась, но раненые почти все были взяты. Это был наш последний бой на севере на Мурманском направлении. За этот бой в приказе по полку отдана благодарность мне как взявшему руководство в бою ротой. Комполка, вызвав меня, добился у меня признания, что я командир взвода, а потом и помкомроты.

Но вот закончились выстрелы на севере. Началась культурная работа, мне, как любителю культпросветработы, не терпится. Я в партбюро, на партсобраниях среди красноармейцев веду политпросветительскую работу, участвую, на сцене беру беседы, доклады, хотя еще не обладая красноречием, но понятно излагаю свои мысли, соображения и на общем собрании полка единогласно выбираюсь председателем культпросветполка.

Комполка, вызвав меня, говорит, что полк хочет оторвать тебя от занимаемой должности. Я даю честное слово, что, если придется опять воевать, немедленно буду на своем месте, а сейчас хочу поработать на культурно-просветительском поприще. Соглашается, и я целиком ухожу в это дело, организую летучку по разбросанным частям полка по Мурманской ж.д. Создаю кружки, школу неграмотных, дело при поддержке командиров и партбюро и др. организаций пошло полным ходом.

В июне 1920 года дивизия, в том числе и наш полк, выносит постановление отправить на южный фронт, где еще поляки и Врангель вели борьбу с нами. Туда была нужна сила. Надо было и хотелось каждому поскорей прекратить войну, но никак не уходом с фронта, не миром, где, зная, что революционная война должна закончиться победой, несмотря на то, что мы воевали и терпели поражения, но мы крепли.

Красная армия увеличивалась, границы расширялись, боевой энтузиазм был настолько велик, что, казалось, мы готовы победить весь мир. Так закончилась война на севере. Хотя было наступление финнов, но оно было отбито. И в это время нас уже не было на севере. Мы были на юге. 12 июня с эшелоном, с песнями, с поднятым настроением, хорошо обмундированы и вооружены, мы парадно тронулись со ст. Сорока 1-м эшелоном дивизии. ДАЕШЬ ВРАНГЕЛЯ! ДАЕШЬ ПОЛЯКОВ! Да здравствует победа пролетариата! Таков был наш лозунг.

Часть шестая

В пути на юг. Встреча с белыми.
Первые бои. Взятие г. Орехова.
Борьба за б. Токман. Поражение.
Попал в плен.

Наш путь начался от ст. Сорокская Мурманской ж.д. С нашим эшелоном ехал и штаб полка, и партбюро, и мы – культурники. Военком поручил быть во главе комитета по борьбе с дезертирством в эшелоне. Но все было спокойно, очень редкие случаи, исключительные, которые не имели значения дезертирства. Все ехали веселые, радостные, но не всегда, иногда вдруг оборвется веселая песня и кто-нибудь скажет, да сейчас мы поем все вместе, а что ждет через несколько дней, быть может, в первом бою от нас ни копья не останется, и пойдут разговоры грустные, тяжелые, но опять – песня, и все изошло.

Путь наш был: Ленинград – ст. Дно – Полтава – Орша – Витебск – Конотоп – Синельниково – Бахмач, многое уже забыл.

Никаких особенностей не случилось дорогой, если не считать предосторожности налета банд при проезде того района, где оперировали банды, но это не важно. Необходимо описать то, что мы чуть на поезде не въехали к белым. Наш путь конечный был до ст. Пологи. Но, не доезжая 15 километров, нас предупредили отступающие части 46-й дивизии, оказывается, врангелевцы взяли ст. Пологи и двигаются нам навстречу. У нас пока одна бригада и артбригада, да конницы немного, но зато оружия много, гранат, да и бойцы рвутся в бой.

Выгрузились очень быстро, и наша задача была остановить наступление белых и держаться до прибытия всей дивизии, а потом двинуться в наступление.

Недолго пришлось ждать встречи, только отошли километров 10 от станции, и встретилась растрепанная 46-я дивизия, их горсть осталась, с невероятными усилиями удерживающая натиск белых, постепенно отступала.

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 152

Мы вступили в бой, заухали наши орудия, затрещали пулеметы. Наступающий почувствовал свежую силу, как бы озлился, начал усиленно осыпать нас пулями и снарядами, а к вечеру двигался к нам перебежками, стараясь зайти с флангов, но это ему не удавалось. Каждый раз враг натыкался на жесткий отпор. Южная темная ночь, прекратили канонаду, хотя она была не слишком значительна, противник находился совсем близко. Мы отошли до деревни, что в 1 версте, названия не помню. Расставили караулы, секреты, организовав разведку, наш 5-й полк собрался хоть немного отдохнуть.

Необходимо упомянуть, что мое стремление в ряды бойцов и данное обещание было кряду выполнено еще в дороге, со ст. Синельниково я перешел в 3-ю роту, опять на должность взводного командира 2-го взвода, и вообще все полит- и партработники были в первых рядах, и это было тогда необходимо.

Вернемся к продолжению.

Утром донесли, что противник наступает и наши части тоже прибыли. Приказ начдива, если противник будет наступать – отбить наступление, допустить их до атаки, обратить в бегство и преследовать. Так и вышло, чуть рассвело, заухали орудия белых, началась подготовка, наши орудия отвечали, а тем временем наши стрелки, рассыпавшись, впереди деревни окапывались, подготавливаясь к обороне.

Белые повели наступление всем фронтом, осыпая нас пулями и картечью, а потом бросились в атаку, срезаемые нашими пулеметами, но не остановились. Затем нам нужно было дать контратаку. Вдруг сигнал, мы выскочили и, к стыду противника, увидели, что у винтовок белых нет штыков, они хотели нас взять испугом, т.к. оперировавшая здесь 46-я дивизия не вступала в открытый бой. Наши красноармейцы, увидев, что они без штыков, быстро врезались в ряды белых и начали колоть, противник сразу дрогнул, и началось отступление, ужасное для белых. Мы преследовали, били с тыла, кололи, брали в плен, вдруг сзади наша конница налетела на белых, начала рубить, тут нам стало нечего делать, наше дело сделано. Мы двигались уже беспрепятственно до самого г. Орехова. Здесь противник укрепился, и целых 3 дня бились. Мы то наступали, то отходили. Но вот на 3-й день положение изменилось. Мы с утра начали перебегать. Противник с фланга пустил конницу из-за горки, где оттеснил наш 3-й полк. Навстречу с ложбины выскочила наша конница, и на глазах наших произошла схватка. Это была первая на моих глазах битва конниц.

Наши врезались в гущу белых. Стон, рев лошадей, выстрелы, лязг оружия и костей, все слилось в один сплошной гул, люди, лошади валились, некоторые лошади, потеряв наездника, вихрем неслись по степи как бешеные. Но вот белая конница дрогнула и прямо в город понеслась, заманивая наших. Но наши дали стрекача под прикрытие в логовину. Мы бросились всем фронтом в атаку, ворвались в город, на улицах завязались бои, но к вечеру все было кончено. Потеряв массу убитыми, противник отступил, уехав на подводах.

Ночью подсчитали нашу убыль, с нашей роты выбыло всего 42 человека из 135. Нелегко достался нам Орех. Отсюда с боем все двигались целых 90 верст и все теснили противника, вплоть до большого Токмана, где белые уже не раз ловили Красную армию в ловушку.

Против нас здесь силы белых увеличились, там шла против нашей 1-й дивизии тоже 1-я – Корниловская дивизия, а здесь уже оказалось еще две – Марковская и Дроздовская.

Под Токмаком в полукилометре лежит деревня Куркулак (Таврическая губерния, бывшая тогда). Растянувшись на два километра в долине между балками (балка – возвышенность), замечательна, как и все украинские деревни, с прекрасными садами. Разбитая на улицы наподобие города и прозвана еще до нас мешком для ловли красных (названо белыми).

Фронт был не сплошной, а поэтому вот в этом-то мешке и учили нас белые, как надо бить неосторожных.

9 августа, в ночь на 10-е, мы без боя почти вступили в эту деревню, а 11-го утром стали наступать на большой Токмак, откуда противник в деревню беспрерывно посылал снаряд за снарядом.

Подойдя под самую деревню, почти город, мы попали в такой обстрел, что, казалось, и носа высунуть некуда. Не прошло и часа, как на правом фланге отступили, а затем и побежали, оказывается, противник бил их еще и с фланга. Да поперли и танки, и бронемашины. Увидев это, все побежали в деревню обратно по гладкой степи, как на ладони у неприятеля, мы устлали путь трупами, уже тут подбор убитых немыслим.

Едва унесли раненых, и то не всех, но, войдя в деревню, сразу порядок был восстановлен. И мы приготовились уже к обороне. Белые не замедлили прийти и начали нас сжимать с трех сторон.

Это был бой, страшно и вспоминать, на нас пер офицерский батальон Корниловского полка, заскакивали даже за вал, но все-таки отбивали, три раза загоняли всю дивизию в самый конец деревни, была какая-то игра, то мы гоним их, то они нас.

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 153

К вечеру все-таки очистили деревню, и люди, голодные, измученные, считали себя хуже убитых, тем, что вот они убитые лежат, сделав свое дело, им легко, они сыты и нет забот, а мы, быть может, завтра будем такими же.

Но что, еще раз посетил налет белых, но так как все были на месте, то немного ушло целыми белых еще из-под деревни.

Я под утро уснул, на валу лежала винтовка, гранаты под боком. Не разрешено было спать, но, не выходя с места, оставались одни часовые.

Чуть свет – опять канонада, но в этот день, 12-го, ни он, ни мы не наступали, и мог ли хоть немного передохнуть, но дел хватало. Надо было поблизости хотя бы подобрать товарищей, предать их земле, и это приходилось делать под огнем белых, в гражданской войне не было никаких законов по уборке трупов.

В ночь на 13 августа мы сделали вылазку, почти подползли к деревне и забрали немецкую колонию, освободили даже пленных, попавших накануне, разбили их заставы, ворвались в Токмак. Но, увы, нас горсть против белых. Пришлось отступить под покровом темноты, но все же без потерь, да и зря не ушли, у нас были трофеи – 15 пулеметов, 2 орудия и танк, который врасплох захватили еще разведчики и кряду угнали в Куркулак.

13 августа – роковой день, день окончательного нашего поражения. Чуть рассвело, противник уже был под деревней и старался даже окружить, вдали видна была кавалерия на случай нашего бегства. Танки, бронемашины были брошены. На нас, оказывается, накануне вызвали и прибыла Волчья дивизия конных. Пришлось половине дивизии, жалкой, растрепанной постоянными стычками, отступить и не дать нас окружить. Но, увы, этого не сделали, их оттеснили дальше до деревни. В 3-х верстах сзади захлопнулось кольцо. Метались по деревне во все стороны, где нажимал враг, где заскакивал, отбивались гранатами, а часто штыками. Кто был в заднем конце деревни, тут уже полки смешались в одну кучу, геройски пробились и вырвались, отбиваясь от конницы, ушли в деревню, как бы за помощью, но не многие пришли в ту деревню, где стояли наши части.

Мы долго стояли, выдерживая головной удар, наши ряды таяли, патроны подходили к концу. Не зная, что сзади уже прут на нас, мы начали постепенно отступать, но на половине деревни узнаем, что мы в тесном кольце и нам не уйти по улицам. Разошлись по садам, но и тут на нас то и дело выскакивали кучки белых смельчаков, но тут же ложились в недоумении. Наконец мы выдохлись патронами, гранат уже не было, и перед нами стоял ужас плена – лучше смерть.

Мы с тов. Лапиным, единственным соседом, он был у меня взводным, когда я командовал ротой, но в этот день рота дошла до 13 человек.

Ротный был ранен, взводные кто перебит, кто где, Лапин был в 4-й роте, но накануне был переведен ко мне, чтобы вместе делить радость и горе. С ним-то мы и решили взяться за револьверы, но, увы, патронов уже утром не было. За такую неосторожность надо нас наказать, и бросили револьверы, скрипя зубами. Уже стихло все в деревне, по улицам ехали кавалеристы с песнями, торжествуя победу. Кое-где раздавались выстрелы. Нам ничего больше не оставалось, как ждать участи. В дальнейшем сели в саду в ожидании мы с Лапиным и еще 9 человек, и 2-е раненых стонали возле нас. Решили, что зачем умирать зря, еще пригодимся в будущем, но было некогда мечтать о будущем. На нас бегом мчались белые, остановясь, взявши на изготовку ружья. Мы встали в шеренгу, ожидая избавления от мук, вот, думаю, грянет залп, и все кончено… Скорей бы, думаю, в голове пусто, а самому радостно, вот конец скорей, скорей. Но вместо залпа вдруг удар по голове, и я теряю сознание, в оцепенении я не слышал ничего, даже туман застлал мне глаза, я только чувствовал, что вот смерть, а хуже всего это мука, но оказалось – последнее выпало на мою долю.

Итак, кончилась наша операция. От дивизии не знаю какой клочок остался. Орлы севера пали в борьбе с неравной силой белогвардейской своры кровожадных хищников, а я к стыду своему в беспамятном состоянии в плену.

День этот в жизни остался в памяти, и при воспоминании о нем становится жутко страшно и нервная дрожь мурашками бегает по всему телу. Описывая эти моменты, я с болью в сердце чувствую усталость ЖИТЬ…

Часть седьмая

В плену. Смерть друга. Расстрел.
Расправа с пленными. Палачи.
На террор террором. Заговор. Провал.
Побег из плена. Конец бойни.
Болезнь – увольнение домой. Пропасть.

Саша! Саша! Саша! Жив ли ты! Слышу, как бы во сне, а снится другое, какой-то невероятный не то зверь, не то человек, натянув огромный лук, целится, ревя: «Держи сердце!» Вскрикиваю и открываю глаза, ощупываю – кругом солома, голова шумит, тело ноет, в особенности спина.

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 154

Темно. Что это? Опять голос: «Саша! Саша!» Подползает человек, кое-как сажусь, вижу – Лапин, крепко жмем руки, целуемся, он плачет.

– Ты жив, а я думал, что я один, я давно в чувстве, меня, очевидно, меньше били.

– Где мы?

– В плену у белых, вон там стоит караульный. Нас только восемь, остальные с раздробленными черепами, они не встанут, им хорошо, а зачем нас не до смерти… Но я чувствую, что мне смерть… Постарайся ты быть живым, сообщи родным, только не знаю, это и тебе трудно, удастся ли, если не эти звери убьют здесь, то ведь они пошлют опять на фронт и хуже от своих получить пулю, – тут он заплакал как ребенок.

Что я мог сделать, я тоже плакал, нервы наши настолько расстроились, что удержать слез было невозможно.

Мы в объятиях с ним уснули и забылись. Растолкал нас часовой, поставленный к нам. Белые, избив нас и раздев на одни рубахи и кальсоны, сняв сапоги, приволокли, в ком еще была капля дыхания, из сада до хаты и во дворе бросили на солому, поставив караул…

Кое-как мы поплелись по пыльной дороге за караульными. Нас привели в немецкую колонию и прямо в сарай, который был полный набит пленными, они валялись на земле точно грязные мешки. Кто лежал, кто сидел, а кто стоял, говорили вполголоса – такое приказание победителей. Немало было тут и знакомых с одного полка и из других. Каждый старался, тут рассказали про смерть наших работников, секретарь партбюро был заколот раненый белыми, завклубом Никитин изрешечен пулями, был еще живой, не имея сил поднять зажатый в руке револьвер.

– Просил меня, – говорит Трояновский (мой секретарь культпросвет), – избавить от мук, пристрелить, и, видя, что все равно ему смерть, я исполнил его просьбу, дабы не довести до растерзания белыми.

И много, много других историй и случаев, всего не опишешь. Я беру лишь яркие моменты о том, как нас кормили и когда, это время тоже неважно.

Нас переписали в этот день и взяли от нас лишь евреев и тут же за сараем пристрелили, с остальными, очевидно, некогда было, т.к. пришли свежие части красных, и даже шли под Куркулак, который был приготовлен опять для ловушки. Но не вошли красные в него, к удивлению белых, а отступили. Так мы остались на ночь, что это была за ночь. Что не передать всех пережитых ужасов, то безразличное состояние жить или умереть прошло, и ужасы смерти были ясно перед глазами у каждого. Я не спал всю ночь, лишь под утро забылся. Шура Лапин, тот пытался уснуть, но только уснет, то сразу вскрикивает и просыпается, и много таких случаев.

Всю ночь мы с ним перетолковали, и все он жаловался на сердце, что чувствует, я не знаю, очевидно смерть, говорит он, мне будет. Ночью броневик красных заскочил в деревню, пронесся во весь дух, осыпая пулями, даже по нашему сараю прошло несколько, но так как все лежали, не задело, а ранило одного из наших караульных снаружи, и он схватился за пулемет, направленный вдоль сарая. «Расстреляю всю эту сволочь в сарае», – но другой остановил и увел его куда-то, очевидно на перевязочный.

Утром вызвали плотников, сапожников, портных и других. Я тоже вышел, и нас отвели в комендантскую команду в количестве 18 человек. Ребята все попали что на подбор, коммунисты, да еще в том числе помвоенкома 3-го полка. Вообще-то у нас в дивизии было 60% партийных. Около полудни повели в Куркулак, где нас взяли, там был штаб 1-го ударного полка генерала Корнилова. Мы шли отдельно и раньше прибыли на место положения, т.е. к полевой части комендантской команды. Мы не видели около себя жестокостей, вел нас один конвоир.

Вскоре прибыла и партия пленных, быстро шли на улице, против того двора, где были и мы. Приехал командир полка полковник Гардиенко во главе офицерской роты. С треском встала рота. Этот палач, сидя на коне, произносил речь, что это последняя надежда совдепии, лучшие из лучших, видите, на них лучшее обмундирование, это красные звери, они уничтожили половину моего полка и почти целиком офицерский батальон искололи штыками, чего еще до сих пор не было. Жгли раненых офицеров в сараях и пленных, взять их в работу, закончил он.

Рота налетела и начала бить, некоторые и не встали после команды отставить.

– Отвести на поле, расстрелять всю эту сволочь, – и увели.

Мы остались в нервном ожидании, но недолго, сразу прискакал вестовой, что-то шепнул коменданту, и нас, построив в две шеренги, окружив сплошным кольцом конвоирами, повели. Мы спрашивали у них: «Куда – на расстрел?» – «Тех всех расстреляли, а теперь вас, в одну кучу».

По приходе на место увидели ужасную картину, человек десять, корчась, испускали последний дух. Оказывается, один негодяй, из красных же, нашелся и выдал коммунистов и добровольцев, а больше никого не мог выдать, то и его пристрелили, говоря, что так же и наших выдашь, как попадешь к красным. Трусам смерть. Остальных раздевали, шарили, трясли и, находя какой-нибудь документ, расстреливали, заставляя идти в степь.

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 155

Вдруг выводят из строя Лапина. На нем курсантские синие брюки. Курсанты московские белых били, оказалось после, и в хвост, и в гриву, а потому, кто был в синих штанах, никакие отговорки не спасали жизни. Так получилось и с моим другом Сашей. Бедный, он чувствовал, а не подозревал, что документ смерти на его ногах. Он был на Московских курсах красных командиров, да еще плюс и удостоверение об окончании курсов в кармашке для часов. Привожу полностью его геройскую смерть.

Когда сняли брелок и вышарили удостоверение, подав тому же палачу Гардиенко, тот побагровел от ярости, в клочки изорвал бумажку и хватил прямо по щеке: – Вот тебе, ты – курсант, красный командир.

– Да! – громко крикнул он. – И член Российской компартии большевиков к тому же, а ты – палач!

– Расстрелять ротой, разорвать его свинцом, сволочь красную.

Пошел в степь, для красного командира ничего не стоит и из-под пуль убежать, но Лапин, отойдя несколько шагов к стене, повернулся лицом к роте, разорвав на груди рубаху, устоялся: «Оставшиеся в живых отомстят за нас».

Полковник закричал:

– Повернись спиной, – и скомандовал: – Рота!

Но он не повернулся.

– Не страшно, стреляй в грудь. Да здравствует…

Но в этот момент: «Пли!»

Залп врезался в героя.

Так я потерял друга, товарища по борьбе исторического революционного момента. У меня в глазах темнело, было больно смотреть, жаль друга, но такова доля. Стиснув зубы и сжав кулаки, я тут поклялся бороться до конца, отомстить за смерть убитых борцов за революцию. Натешившись расстрелом товарищей, нас увели с этого страстного места.

Я с группой выделенных в комендантскую, волоча ноги, приплелся в команду. Отправили в Токмак. Здесь работали три дня, гробы для похорон офицеров зарывали в землю под южным зноем солнца. Били, ломали заизвестковавшуюся почву, вырывали ямы, туда складывали одних солдат, по 10-15 человек в три-четыре ряда и в других гробах по пять человек (офицеров) и зарывали уже разлагавшиеся, изуродованные трупы.

Дальше пошла жизнь обычным порядком. Строевые занятия, проводы арестованных и так далее. За все время одно и то же, в бой нас не гоняли за это время, в особенности после поражения под Токмаком. Дивизия ушла на формировку пополнения в Н.Николаевку, в 8 верстах от г. Мелитополя. Сюда приводили мобилизованных, но их через 2-3 дня и половины не оказывалось, бежали. Армия начала разлагаться, дисциплина падала. Мы вошли в подпольную организацию «за террор – террором» и принялись уничтожать офицеров во время их пьянства, а это у них продолжалось каждую ночь.

В команде нас было 12 человек и в пулеметной команде 2 человека, связь налаживалась и с артдивизионом. Был составлен план восстания. Во время первого же наступления перебить офицеров, по команде развернуть стрельбу по несдающимся частям белых. Но, увы, даже обсуждения плана вести не удалось. Мы по очереди били офицеров. Были убиты командир батальона, полковник Ганцовский, капитан Завьялов и другие.

Мною удачно был зарезан в одну ночь пьяный, валявшийся в саду адъютант полка капитан Ратневский, но покушение на командира полка одним пулеметчиком не удалось. Тот выстрелил и промахнулся, был взят и под жестокой пыткой выдал 11 человек пулеметчиков, каковы были все из первой дивизии. Неизвестно, куда их взяли, и капут. Вслед приказ из 1-й дивизии пленных перепороть и переформировать из рот в команды из команд по ротам.

Я получил 15 шомполов, но т.к. не был ни под каким замечанием, то легко отделался и был направлен с тов. Лайко в 14-ю роту. Так разбилась наша группа. За нами следили, и дело подпольщины у нас уплыло.

В октябре Врангель сам принял парад войск на ст. Федоровка – дивизий: Корниловской, Дроздовской, Марковской, а затем и пошли через г.Александровск, где переправились через Днепр и повели наступление вплоть до г. Никополя.

Мы шли с 4-м батальоном все время в резерве, но с Никополя вдруг повернули обратно. Здесь пошли слухи, что кавалерия белых разбита 2-й Конной армией и буденновцами. С боем белые прорвались все-таки, вышли из кольца и в Александровске переправились обратно. Но много осталось в Днепре и за Днепром, товарищи следовали по пятам, тут убежать было нельзя.

Многие из наших товарищей, что шли в первой линии, все-таки пришли, но с резерва трудно было уйти, даже невозможно. Вот пошли по берегу Днепра в обратный путь, крестьяне видели, что белые отступают, и подвод им не давали. Белые забирали их силой в каждой деревне, но по пути их было мало. Крестьяне с лошадьми заранее уезжали в степь, в плавни (берега, заросшие лесом и камышом на Днепре). Всюду высылались отряды по вербовке подвод.

Наконец, прибыв в село Балта, я был вестовым при штабе 4-го батальона от 4-й роты и в свою

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 156

очередь попал с приказанием по ротам набрать с каждой роты по 2 человека и под командой унтера Никитина с «Люисом» (ручной пулемет) отправиться в Златополку в 5 километрах от Балты, набрать 80 подвод. Здесь пришла мысль, переговорив со своими друзьями из 1-й дивизии, воспользоваться моментом и уйти к красным.

Я, прежде чем пойти в комроты, вначале обежал товарищей. Так я сколотил своих людей 8 человек, а 9-й был дан тот унтер. Выехали, уже начинало темнеть, по дороге еще прикончили унтера и бросили в яму, когда-то вырытую. Очевидно, брали глину для работ черепицы, т.к. груды осколков валялись вокруг. Оставалось запастись продовольствием и подводами, чтобы уехать в плавни, каковые были в 5 верстах от села и тянулись до берега Днепра на 15 верст. В деревне мы легко с этим справились, т.к., объяснив причину, нам дали лошадей и даже проводников до переезда на ту сторону Днепра, где, по сведениям, занимают красные части. На утро следующего дня мы были уже в деревне Верхнетарасовка в 96-м кавполку 16-й кавдивизии, встретив лишь на пути отряд белых. Так как мы были в форме корниловцев и объявили, что едем в плавнях ловить скрывавших подводы. Здесь нам и не препятствовали.

Получив документы и дав сведения о состоянии белых частей, мы уехали искать свою часть, но не нашли ее. В Каховке на Днепре влились в 15-ю дивизию. На второй же день уже бились с теми дивизиями, откуда мы ушли 5 дней тому назад. Натиск был решительный. Очевидно, белые хотели во что бы то ни стало опрокинуть нас в Днепр, но оказалось, что сами покатились дорогой в Крым. Мы преследовали по пятам, несколько раз белые пытались вступать в бой, но под натиском наших сильных частей были биты и отступали. Так мы их гнали до Сиваша. Здесь у них были созданы укрепленные позиции, где и засели. Вот тут-то и были самые страшные бои.

Две армии столкнулись на расстоянии 12 километров. Это ворота в Крым. И в памятную ночь с 6-го на 7-е ноября, годовщину Октября, мы вышли из села Колчановка. Сделав подготовку, ночью и под утро двинулись на штурм сивашских укреплений.

Это была канонада в громе пушек, ружей, пулеметов, смешались стоны раненых и умирающих. Люди валились как снопы, смерть косила налево и направо, но лавина красных бойцов не останавливалась. К вечеру мы завладели их укреплениями. Белые были обращены в бегство, и мы их больше не видели. Наше дело было окончено. Дальше их погнала кавалерия. Махно-бандит примкнул к нам со своей шайкой, но из-за своей выгоды, как это выяснилось после. По пути грабил, насиловал женщин.

Мы дошли до г. Симферополя и здесь остановились. Тут было опять приказание по разоружению махновщины, около полутора тысяч разоружили, остальная часть во главе с Махно удрала из Крыма, прорвалась в перешейке и потом опять гуляла по Украине.

Дальше мы вернулись до Днепра в дер. Новосбурьевка под Херсоном. Не прошли даром нам сивашские битвы, из девяти полков сколотили только три. Да и путь неблагополучный. После таких передряг, голода и холода развилась эпидемия брюшного, сыпного и возвратного тифа. Эпидемия косила хуже боев, без боя ряды редели.

Здесь влилась в нашу дивизию 1-я стрелковая, моя родная, дивизия, которую у меня не нашлось терпения разыскивать по возвращении из плена. Тут я встретил нескольких старых друзей, но их было мало, кто где лег костьми, кто выбыл раненый, кто и без вести пропал. Как тяжело было слушать рассказы товарищей о погибших, но что делать, война не без жертв. Вечная память товарищам по борьбе.

Со слиянием двух дивизий наша стала именоваться 15-я Сивашская ордена Красного Знамени дивизия.

Смолк гул орудий, затихла канонада, Врангель был снят. Республика освобождена от нападения белобандитов. Все на трудовой фронт, на борьбу с разрухой. Страна нищая, бедная, но зато свободная. Сколько силы, энергии, смелости, духа революционного у пролетария, у рабочего и крестьянина.

И армия взялась за учебу, за воспитание. Развернулась широкая политпросветработа. Мы в городе Херсоне.

Меня партбюро назначило политруком 9-й роты в 133-м полку. Начинаю учиться, свыкаюсь, сижу ночами, готовясь к беседам и докладам, а днем работы масса. Надо и на занятия с ротой, и политчас, и разные справки, и т.д. Преодолеваю сложность оратора, выступаю с докладами на партсобраниях, так до весны 21-го года.

Весной полк уходит на трудовой фронт, посевную кампанию. Меня на продмесяц в распоряжение укома Херсонского, последний отправляет в Нововоронцовский район. Здесь засуха уничтожает озимые, а затем и яровые. Работа трудная, но надо передать крестьянину понятие о продналоге, после – продразверстке, а тут борьба с голодом. В Поволжье голод, и здесь голод. Но все же за два месяца кое-что удалось сделать. Проведены были по всем деревням беседы-лекции,

142-157Patrakeev_142-157Patrakeev.qxd 24.08.2021 11:51 Страница 157

издавалась газета «Продмесяц», она выходила четыре раза в месяц тиражом 200 экземпляров каждый номер. Кроме того, по заданию нужно было связать все организации районные и уничтожить склоки между организациями района. Все это было предпринято, но далеко не все было закончено. За два месяца склоки не уничтожились, но начало положено, и то ценно. И учел, конечно, уком, и в полк я приехал с хорошим отзывом и с премией (сапоги) и дал полнейший отчет партсобранию. Затем был избран секретарем партбюро.

В ноябре был вызван в политотдел 15-й Сивашской инструктором-пропагандистом. Здесь одновременно прошел школу агитпропа, но в январе был брошен помощником военкома 133-го полка, а в марте 22-го ВРИД военкома, да недолго пришлось поработать, все переживания фронта, плен, усиленная работа над собой, т.е. перелом в знаниях, работа по заданиям, напряжение мозга сильно сказались на здоровье, а в особенности на нервной системе. Началась задумчивость, и чуть малейшее расстройство – нервная лихорадка. Это появилось, еще когда был секретарем партбюро. И постепенно развивалось, а когда поработал полтора месяца военкомом, то появилась большая опасность. Пришлось явиться к врачу. Последний отправил в дивлазарет, и здесь объявили, что 75% расстройство нервной системы. Меня отправили на комиссию.

Дав по пути сопровождение эшелона демобилизованных красноармейцев 1899 г.р., уволили в бессрочный отпуск, и в июне 22-го года я прибыл в распоряжение Лодейнопольского укома ВКПб. И так как мне запрещена была усиленная умственная работа, то направили меня в свое село Остречины, по моему желанию. Дали поручение организатора коллектива.

А вот и дома, куда не было у меня стремления. Забыто было все. Но вот опять заботы дома, дряхлая мать, за 7 лет хозяйство разрушено. Нищета, жизнь худая. Чтобы не потерять, а восстановить нервы, веду разнообразную жизнь по-деревенски. За лето набираюсь сил, чувствую себя лучше, работа партийная не обременяет. Но вот беда – мать болеет, хозяйки нет. Зима 23-го года. Ищу подругу жизни, без церковного брака, т.к. с богом давно покончено, с религией. Убежден в ее бесполезности и вредности тоже. Но нет времени на то. Схожусь с девицей. Нравится, пожалуй, хозяйка. Как быть, что делать?

* * *

К сожалению, на этом рукопись оборвалась. Но внук автора – Виктор Патракеев по нашей просьбе написал о дальнейшей судьбе его деда. Вот его письмо:

«…У деда и бабушки Амосковой Екатерины Петровны было четверо детей: Леонид, Лилия, Фаина, Станислав, все родились в дер. Остречины Подпорожского района. В деревне был организован рыбсовхоз. Деда назначили директором. Рыбу ловили и закладывали в бочки соленой, потом отправляли на реализацию. При строительстве Свирской ГЭС д. Остречины была затоплена, как и соседние деревни. Семью эвакуировали в г.Кондопогу, выделили 2-комнатную квартиру.

Грянула война. Деда призвали как спеца, служил в 71-й стрелковой дивизии, 128-й стрелковый саперный батальон, старшина, погиб 12 октября1942 года. Похоронен в Волховском районе у деревни Бараничево…»

Эпилог

Вот так в несколько страниц уместилась жизнь бойца Первой мировой войны, красноармейца, сражавшегося в Гражданскую и погибшего на самой страшной – Отечественной войне.

Эта удивительная рукопись дает возможность понять, ощутить, увидеть изнутри, какие они были – граждане нового государства. Почему отдавали жизнь за идею, как беззаветно сражались за казавшуюся им родной советскую власть…

Документальность этого простого, бесхитростного изложения уникальна.

Будем же помнить о наших дедах и прадедах, прошедших через Первую мировую, Революцию, Гражданскую и сложивших голову, защищая ими построенную страну в Великую Отечественную…

□